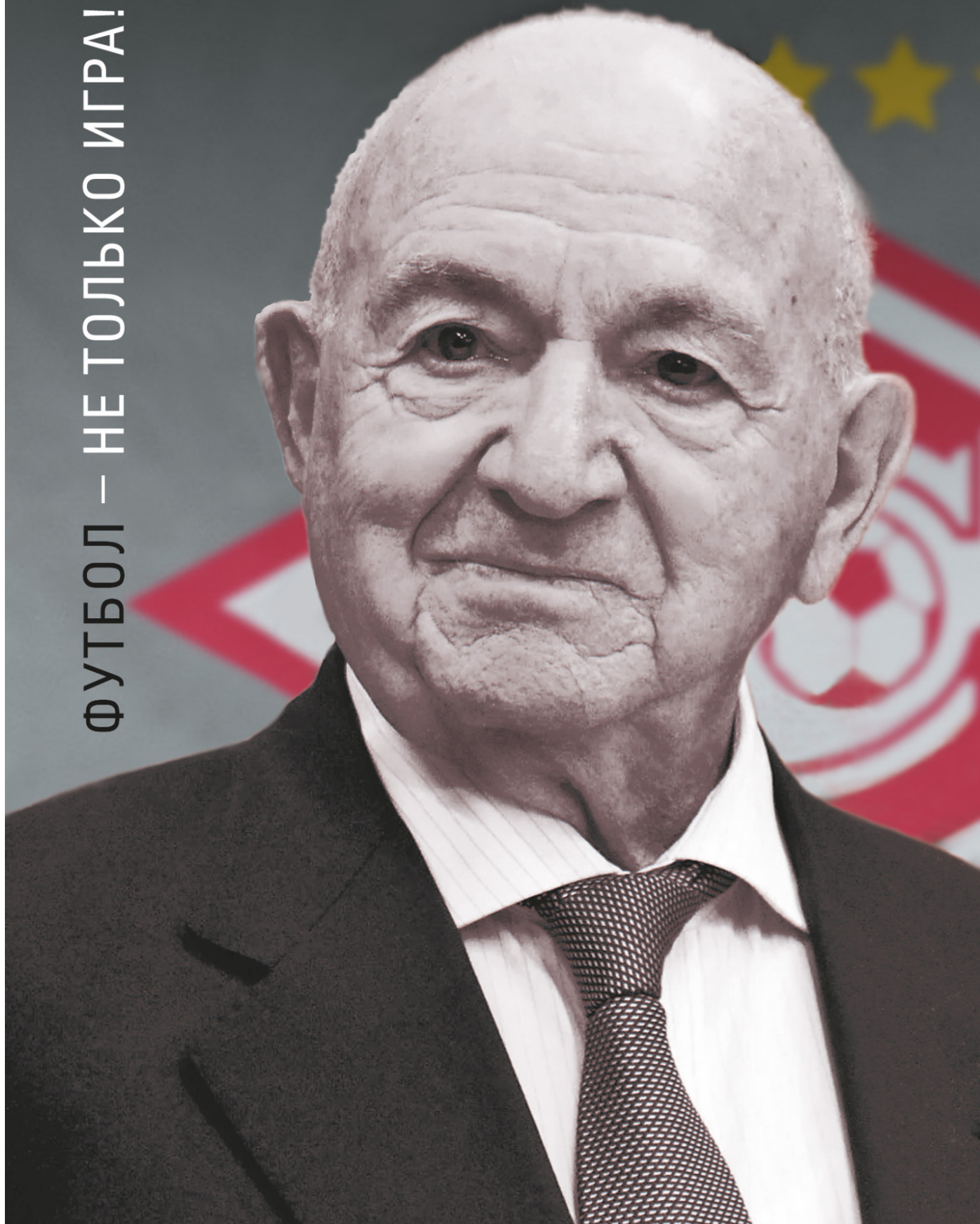

НИКИТА СИМОНЯН

ФУТБОЛ – НЕ ТОЛЬКО ИГРА!

Никита Симонян

Футбол – не только игра!

«Спорт»

1922

ББК 47.21

Симонян Н. П.

Футбол – не только игра! / Н. П. Симонян — «Спорт», 1922

ISBN 978-5-906132-68-0

Книга Никиты Симоняна – легенды отечественного футбола, великолепного рассказчика и человека, обладающего отменной памятью, – знакомит читателя со временем, формировавшим самого мастера, с лучшими футболистами разных лет в нашей стране и в мире, с крупными футбольными событиями, матчами и турнирами, в которых он участвовал в качестве игрока, а в дальнейшем и тренера. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

ББК 47.21

ISBN 978-5-906132-68-0

© Симонян Н. П., 1922

© Спорт, 1922

Содержание

Феномен Симоняна	7
Никита Симонян	13
Начало начал	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Никита Симонян

Футбол – не только игра!

© Симонян Н.П., 2022

© Издательство «Человек», издание, оформление, 2022

* * *

Феномен Симоняна

Приятель в разговоре, упомянув фамилию спартаковского футболиста времен первой половины 60-х годов, назвал этого нападающего, сыгравшего за «Спартак» на протяжении восьми сезонов лишь сто семьдесят шесть матчей и забившего всего-то тридцать два гола, «легендарным». «Послушай, – обратился я к приятелю, – если этот форвард, только раз в карьере становившийся чемпионом страны и никогда и близко не приближавшийся к сборной СССР, «легендарный», то кто же в таком случае Лев Яшин, Игорь Нетто, Альберт Шестернев, Виктор Понедельник, Эдуард Стрельцов, Валентин Иванов, Муртаз Хурцилава, Валерий Воронин, Олег Блохин?.. И, разумеется, Никита Симонян?» Олимпийский победитель Симонян со своими четырьмя чемпионскими титулами игрока, двумя победами в Кубке СССР, тремя победами в соревнованиях бомбардиров (в 1950 году наколотил соперникам тридцать четыре гола – это только в чемпионате, а забивал он еще и в кубковых матчах), званием лучшего бомбардира «Спартак» за все времена, тренерскими достижениями со «Спартак» и ереванским «Арагатом» – три победы в общей сложности в чемпионатах СССР и четыре – в Кубке страны.

Суждения о везучести голеадора Симоняна – мячи, дескать, он забивал случайные – есть не что иное, как попытка «приземлить» Мастера, резко понизить его истинный уровень, позволявший талантливому нападающему забивать, забивать, забивать... Словом, отлично делать то, что и должен делать форвард. Природная быстрота, высокая стартовая скорость, взрывной рывок, техническая оснащенность, внутреннее понимание тактики вообще и тактики эпизода в частности, разнообразие атакующих действий, приводившее соперников в замешательство, «дьявольская уверенность» (определение самого Симоняна) в решающие перед воротами моменты, постоянное совершенствование основанного на таланте мастерства (без усталости отрабатывал удары по воротам из различных положений в «добавленное» к тренировкам время, «ставил удар») – все это делало Симоняна, по словам Николая Петровича Старостина, «крайне опасным для любой команды мира».

Симонян владел точными хлесткими ударами с обеих ног, бил из любых положений, ему были свойственны хитроумные финты, высокоскоростной умелый дриблинг, своевременная игра в стенку с партнером. Маневренность Пайчадзе, настырность Боброва, точнейший пас Дементьева, удары Пономарева – все это было характерно для игры Симоняна, создававшего при этом свой почерк, свою манеру, свою технику и тактику. «Иной раз, сидя на трибуне, – отмечал известный спортивный журналист и писатель Лев Иванович Филатов, – можно было не сообразить, откуда взялся Симонян и как он сумел отправить мяч в ворота. Это была особенность игрока в высшей степени тонкого, обнаруживающего себя в угаданные им считанные мгновения... Симонян бил в ту точку, которую выбирал. При этом бил не часто, но забивал чаще других. И это не парадокс. Это стиль – сначала человеческий, а затем футбольный».

Феноменальный рекорд Симоняна – тридцать четыре мяча в чемпионате – держался три с половиной десятилетия. На один мяч больше забил нападающий днепропетровского «Днепра» Олег Протасов, но ни для кого в футбольном мирке не было секретом, что в нескольких голевых ситуациях Протасову помогали не только партнеры, игравшие на него, но и соперники, против него... не игравшие.

В 1985 году Протасов в первом круге забил всего десять, и ничто не предвещало скорострельности форварда во второй половине турнира. Как-то раз, когда «Днепр» приехал играть в Москву, в тренерскую комнату в Управлении футбола заглянул тренер днепропетровской команды Владимир Емец. «Владимир Александрович, – обратился к нему администратор сборной СССР Борис Кулачко. – Неужто вы сделаете все, чтобы побить рекорд Никиты Палыча? Ведь он все голы забил честно, а вы тащите Олега к рекорду всеми правдами и неправ-

дами». Емец, хитро прищурившись, полушутя-полусерьезно сказал: «А Стаханов?» И всем стало ясно, что рекорду жить осталось недолго.

Так и вышло. В семнадцати матчах второго круга «стахановец» Протасов забил двадцать пять (!) мячей, на гол обошел Симоняна и получил европейскую «Серебряную бутсу».

По завершении сезона 1985 года на устном выпуске журнала «Спортивные игры», в котором я тогда работал, меня спросили о разнице между «Золотой» и «Серебряной» бутсами. Я ответил: «Золотой бутсой» забивали голы правые, а «Серебряной» – левые». Симонян Протасова не упрекал. «И по сей день не упрекаю, – говорит Никита Павлович. – Он сам себе судья».

Они-то как раз – Яшин, Нетто, Шестернев, Понедельник, Стрельцов, Иванов, Хурцилава, Воронин, Блохин, Симонян (далеко не всех, конечно, назвал) – самые что ни на есть легенды отечественного футбола. И вовсе не их вина, что в новейшие времена с поразительной легкостью стали бросаться такими определениями, как «легендарный», «звездный», «выдающийся», применительно к футболистам, имена которых ни при каких обстоятельствах непозволительно ставить рядом с именами тех (и многих, к слову, других), кого я назвал в разговоре с приятелем. Звезды тех лет, как вспоминает Симонян, «держались попроще, не заносились, не возносились, на матчи в другие города отправлялись в переполненных общих вагонах, многоместный гостиничный номер с умывальником в конце коридора считался неслыханным везением, роскошью».

Девальвация определений вполне объяснима. Ничего иного не может быть в условиях, когда многие молодые репортеры и репортерши (девушки, чего в прежние времена и быть не могло, массово ринулись писать о футболе, – явление, надо сказать, требующее детального рассмотрения) пребывают в твердой убежденности в том, что не только дело, которым они по тем или иным причинам занялись, началось с них, но – и сам футбол.

Одна юная представительница СМИ, например, перед весенним дерби 2017 года ЦСКА – «Спартак» поинтересовалась у Никиты Павловича Симоняна, пойдет ли он на матч. «Конечно, пойду!» – удивился вопросу Симонян. Следующий вопрос – «А за кого вы будете болеть?» – едва не поверг Никиту Павловича в шоковое состояние, но девяностолетний на тот момент Маэстро быстро пришел в себя и ответил: «За ЦСКА. За кого же еще?» Собеседница, которой и в голову не пришло перед тем, как позвонить, поинтересоваться, хотя бы поверхностно, футбольным прошлым Симоняна (она знала лишь, что Никита Павлович – вице-президент РФС, а потому имеет, по ее представлению, «какое-то» отношение к футболу), наполненному иронией ответу вовсе не удивилась, приняла его как должное и решила продолжить разговор вопросом: «А в чем, на ваш взгляд, преимущество ЦСКА, за который вы болеете, над „Спартак“?» И тут уже Никита Павлович не выдержал: вежливо посоветовал девушке учить матчасть. Ничего удивительного в невежестве репортерши нет.

Отказы Симоняна в середине прошлого века играть за «Торпедо» и ВВС сегодняшняя футбольная молодежь воспринимает с улыбкой: у нее – иные ценности. Не стоит говорить, хорошие они или плохие. Просто – иные. Подавляющему большинству нынешних игроков никогда не понять причину отказа, которой руководствовался Симонян, когда настаивал – и настоял – на том, что только у него есть право выбора команды. Его позвали в «Спартак» два человека, ставшие в силу ряда обстоятельств для переехавшего из Сухуми в Москву двадцатилетнего парня родными, – Абрам Дангулов и Владимир Горохов. У Горохова, приютившего Симоняна у себя дома на три года, будущий выдающийся форвард спал в чулане на сундуке (только и похихикать могут сегодняшние ровесники того Симоняна, доведись им узнать о «чулане» и «сундуке», – сами же, так и не научившись толком вовремя попадать по мячу, требуют за подпись под контрактом невероятные подъемные, сумасшедшие зарплаты, на которые можно приобрести элитные квартиры и дома – без «чуланов», разумеется, и «сундуков», предназначенных для сна).

И ведь кому отказывал Симонян! Всесильному в те годы директору автомобильного завода имени Сталина (ЗИС) Ивану Лихачеву, настаивавшему на том, чтобы нападающий играл за его детище – «Торпедо», и еще более всесильному сыну Сталина – Василию, пестовавшему ВВС (называли в народе «Ватагой Василия Сталина»). В случае с сыном вождя Симоняна, предварительно напоив на госдаче в Кисловодске (в противном случае он никуда бы не поехал), военным самолетом доставили в Москву. Как только Сталин-младший его не уговаривал! Но даже пафосное и, скорее всего, придуманное на ходу «Я поклялся прахом своей матери, что ты будешь играть у меня в команде!» не подействовало. Только «Спартак»! Занимательная история с отказом Сталину-младшему описана в книге. Но занимательной она, на мой взгляд, выглядит из нашего времени. Тогда же занимательности в ней для одного из главных действующих лиц – Никиты Симоняна – не было вовсе.

Оба отказа, надо сказать, лишили советский футбол двух сдвоенных центров нападения (не самого, к слову, распространенного на тот момент тактического варианта, оказавшегося впоследствии весьма мощным оружием): Александр Пономарев – Симонян в «Торпедо» и Всеволод Бобров – Симонян в ВВС.

А ради того, чтобы Симонян из московских «Крыльев Советов», где он фактически начал карьеру игрока, непременно перешел в тбилисское «Динамо», вообще организовали провокацию. В день матча «Крыльев» в Сухуми в доме родителей Симоняна устроили демонстративный обыск, сказали, чтобы Никита ехал в тбилисское «Динамо», а вечером после игры самого футболиста планировали арестовать и силой переправить в Тбилиси, но он вместе с тренером Дангуловым сумел провести преследователей и выбраться из Сухуми.

Нет, и в этом случае – только «Спартак»! И отец его сказал во время обыска: «Пусть сын играет там, где хочет!» Для Никиты Павловича понятие «преданность клубу» – святое. И он, к сожалению, прав, когда говорит, что у футболистов сегодняшних «на первом месте деньги и контракты». Симонян не упрекает нынешнее поколение, Боже упаси, он лишь, сравнивая, уверен в том, что «любовь к футболу была свободна от материальных расчетов, футбол и делячество никак не соприкасались».

В огромной степени отсутствию преемственности футбольных поколений поспособствовало появление в России не только иностранных игроков, но и тренеров, которым абсолютно все равно, что было до них, что будет после них, – главное, своевременная оплата контрактных обязательств, взятых на себя клубами и РФС. Они знать не знали и знать не хотели (и по сей день не знают и не хотят), кто есть кто в отечественном футболе.

Воспетый (только что памятники ему не ставили!) за два поражения с крупным счетом от Испании (1:4 и 0:3) на Евро-88 и за дележку на том турнире третьего-четвертого мест с Турцией Гус Хиддинк однажды поступил по отношению к Симоняну с предельной бестактностью. Никита Павлович на товарищеский матч сборной России поехал в Голландию в качестве руководителя делегации. Не какой-нибудь случайно оказавшийся возле футбола чиновник, поощрительно отправленный за границу, а Легенда отечественного футбола. Представители тренерского штаба сборной страны должны были вставать из-за обеденного стола в момент появления Никиты Павловича в зале и садиться лишь после того, как займет свое место такой, как Симонян, человек. Хиддинк поступил иначе. За главным столом, за которым он сидел вместе со своими помощниками, оставалось несколько свободных мест. Но голландец, когда Симонян вошел в зал, показал ему на стол, за которым сидели врачи, массажисты, администраторы сборной. Потом Симоняну передали: Хиддинк сказал, чтобы Никита Павлович вообще не входил в зал, в котором завтракает, обедает и ужинает команда. Возникла беспрецедентная ситуация: никогда прежде ни один из тренеров национальной команды (СССР, России) не вел себя подобным образом по отношению к руководителю делегации, кто бы им ни был. «Тогда, – вспоминает Никита Павлович, – я позвонил в Москву и сказал, что возвращаюсь. Полвека со сборной, и такого унижения терпеть не намерен. Жил в городе какое-то время. Правда, Хид-

динк потом извинился». Извинился лишь после того, как ему объяснили, кто такой Симонян и что он значит для отечественного футбола.

Никита Павлович прекрасно понимает, что времена изменились и продолжают меняться, повлиять на этот процесс невозможно, но убежден при этом, что легионеры приезжают (и не только в «Спартак») зарабатывать деньги, и это кардинальным образом отличает их от спартаковцев многих прежних поколений, игравших за флаг и честь «Спартака».

Хиддинку и в голову не пришло поинтересоваться, «кто есть мистер Симонян». А поинтересуйся он, ему непременно рассказали бы не только о славном игроцком прошлом выдающегося Мастера, но и о его тренерских достижениях. Со «Спартаком», который он по инициативе Николая Петровича Старостина, оказывавшего Симоняну всяческую поддержку, возглавил в тридцатитрехлетнем возрасте. С ереванским «Араратом», который во многом благодаря Никите Павловичу резко прибавил в игре и в 1973 году оформил дубль – выиграл чемпионат СССР и Кубок страны. Возглавлял Симонян и сборную Советского Союза. Входил в 80-е годы в ее знаменитый тренерский штаб (вместе с Валерием Лобановским, Юрием Морозовым и Сергеем Мосягиным), какого, по словам Симоняна, никогда больше в отечественном футболе не было. Советская сборная под управлением этого штаба произвела, между прочим, фурор на чемпионате Европы 1988 года, продемонстрировав футбол будущего и став серебряным призером.

Когда однажды у Симоняна спросили: «Какие черты вашего поколения могли бы пригодиться нынешним футболистам?», он ответил: «Быть может, мои слова прозвучат выпендренно, но тем не менее это, прежде всего, чувство патриотизма – по отношению к своей стране, к своему клубу, к своим болельщикам. Это чувство у людей того времени было на более высоком уровне, нежели сегодня».

Никита Павлович никогда не утверждал и не утверждает, что футбол его юности лучше, чем футбол сегодняшней. Напротив, когда ему предлагают сравнить тот футбол с нынешним, он неизменно задает в ответ один и тот же вопрос: «Скажите, пожалуйста, а автомобили пятидесятых годов и нынешние – они одинаковые? А если сравнивать авиацию прошлого и настоящего? Все совершенствуется, движется вперед – так и должно быть, хотя... Футбол моего времени был романтичнее, зрелищнее. С колоссальным к нему интересом в послевоенное время, с массовым энтузиазмом болельщиков, переполненными трибунами, но – без фактов вандализма, когда с «мясом» вырывают сиденья, вспыхивают драки, загораются петарды и файеры».

Истинный лорд по манерам («Видя Никиту Павловича, – говорил актер Александр Фатюшин, – никто не усомнится, что родина футбола именно Англия»), строг и элегантен в одежде, мягок и тактичен в общении, обаятелен. У него фантастическая энергетика. Взвешенность оценок. Не только в книге. Ее обнаруживает каждый, кто беседует с Никитой Павловичем. Она, взвешенность, отличает Симоняна от многих других бывших спартаковцев, называющих себя экспертами, заполонивших сайты и страницы бумажных изданий, но запоминающихся лишь необузданной порой оголтелостью и проявлениями эпатажа.

Симонян возвышается над яростными порой спорами о годе рождения «Спартака» (1922 или 1935?) и считает, что не стоит искать «истину посередине», а принимать как данность обе даты. «Наше поколение, – говорит он в интервью, – конечно, привыкло считать, что «Спартак» появился на свет в 1935-м, когда он был так назван. Тогда появилось спортивное общество по всем видам спорта! И мы – его питомцы. А потом Советский Союз развалился, футбольный клуб «Спартак» от общества отпочковался. И сегодня правомерно отмечать именно его день рождения – точнее, его прямого предшественника. А это – 1922-й».

Симонян убежден, что лучший футболист и капитан в истории «Спартака» – Игорь Нетто. Они практически одновременно – в 1949 году – пришли в «Спартак», играли вместе до завершения Симоняном карьеры футболиста (1959), а потом работали в спартаковской команде, но в разных ипостасях: Симонян, возглавивший «Спартак», тренером, Нетто – игро-

ком. Однажды между ними случился нешуточный конфликт, продемонстрировавший отсутствие у Симоняна приписываемой ему мягкотелости и присутствие у Нетто с его сложнейшим характером и неприятием никаких авторитетов понимания безрассудного «пересечения границы». Когда требовались решительные меры, Симонян их применял. «При раздражении, – говорил о Симоняне Николай Петрович Старостин, – он бледнеет. Но такое случается редко. Как правило, он подчеркнuto спокоен».

Мягкий, добрый, сердечный, отзывчивый в обыденной жизни, в каждой команде, с которой он работал, Симонян наводил железный порядок. Дисциплина у него, всегда остававшегося внешне невозмутимым, спокойным и голоса ни на кого не повышавшего, становилась основой коллективной работы. Футболисты это знали и требования Никиты Павловича, ко всем относившегося одинаково равно и справедливого при разрешении всех возникавших в командах ситуаций, принимали.

Лучшим партнером своим по «Спартак» Симонян называет Николая Дементьева: «Могу вообще-то многих назвать. Вся команда играла отлично. Не было никакой жадности. Но я считаю, что знаменитый стиль «Спартак», качество своевременного паса – это все Дементьев. Он был удивительный человек и игрок, всегда действовавший в интересах команды».

При всей своей мягкости (не мягкотелости – мягкости!) Симонян терпеть не может напраслины, от кого бы выдумка, тем более затрагивавшая репутацию сразу нескольких человек, ни исходила. Никита Павлович, например, в девятилетнем уже возрасте перестал общаться – и это решение поразило многих – с одним своим старым товарищем, фактическим ровесником, который накануне шестидесятилетия победы советской команды на Олимпиаде-56 в Мельбурне не нашел ничего лучше, как сказать в интервью по поводу появления в финальном матче олимпийского футбольного турнира Симоняна вместо Стрельцова следующее:

«Из-за травмы Иванова перед Качалиным и возникла дилемма: кого ставить на финал? Гавриил Дмитриевич долго размышлял, перебирал варианты. Иванова можно было заменить Исаевым, но он, спартаковец, никогда в паре со Стрельцовым не играл. Проблема. А Эдик забивал – как его, лучшего бомбардира, не поставишь? Тоже нонсенс. По прошествии времени стало известно, что решение тренеру «подказали» сверху. Был такой в правительстве Микоян Анастас Иванович, армянин, влиятельный руководитель. Его сын Сергей обожал футбол... Перед финалом Сергей обратился к отцу: «Папа, один армянин в нашей олимпийской сборной – и тот не играет». Микоян звонит Косыгину: «Нельзя ли как-то поспособствовать?» Тот набирает номер Романова... На финал вышла пара Исаев – Симонян».

Возмущению – справедливому, стоит заметить, – Симоняна не было предела: «Мне больно было слышать эту чушь, тем более от человека, с которым мы столько прошли. И по отношению к Качалину такое звучало оскорбительно. Я просто вычеркнул человека, который это сказал, из своей жизни».

Придумками, стоит заметить, обросла история, связанная с Мельбурном-56. По-разному преподносят ситуацию, связанную с вручением золотых медалей. Тогда ими награждали только тех, кто выходил на поле в финальном матче, то есть – одиннадцать футболистов, поскольку замены в те времена не производились. Нелепое, надо сказать, негуманное правило. Точнее всех эту историю – наглядное свидетельство благородства обоих ее участников – помнит, разумеется, Симонян. Он в финале, как известно, сыграл, как и еще семь его одноклубников-спартаковцев (линии нападения и полузащиты, например, полностью состояли из игроков «Спартак»). Золотую медаль ему вручили. Как только он ее получил, сразу же подошел к Стрельцову, сыгравшему в олимпийском турнире четыре матча (включая повторную встречу с командой Индонезии) и забившему два гола, и сказал: «Эдик, я тебя прошу, прими эту награду. Ты сыграл больше, чем я, и она по праву должна принадлежать тебе». Стрельцов – он был младше Симоняна на одиннадцать лет – ответил: «Нет, Палыч, нет, эта медаль твоя, и никаких

разговоров быть не может». Второй раз Симонян подошел к Стрельцову на теплоходе «Грузия», на котором советские олимпийцы отправились из Австралии во Владивосток: «Пойми, меня мучит совесть. Ты сыграл все-таки больше игр и заслужил эту медаль сполна». Стрельцов, по словам Симоняна, возмутился: «Палыч, если ты еще раз с этим ко мне подойдешь, я просто на тебя обижусь. Тебе уже тридцать, а мне еще и двадцати нет. Наверное, это последняя олимпийская медаль в твоей жизни, а я еще выиграю».

Убеждение Симоняна в том, что «без идеалов и традиций настоящего клуба быть не может», вполне могло сыграть на пользу «Спартаку», возглавь он дорогой его сердцу коллектив в роли президента после ухода из жизни Николая Петровича Старостина. Никита Павлович ненавязчиво, с присущим ему тактом, сумел бы заставить впитать в себя спартаковские традиции и российских новичков клуба, и, что немаловажно в условиях массового появления в клубах России легионеров, иностранцев, прежде о существовании «Спартака» и не подозревавших и привычно считавших его очередным местом для зарабатывания денег.

«Спартак», думается, много потерял, вовремя не обратившись к Симоняну. Обратились к нему, когда Никите Павловичу исполнилось семьдесят семь лет. «Вы опоздали лет на десять, а то и больше», – ответил он на предложение стать президентом клуба.

... Читателю книги Никиты Павловича Симоняна можно только позавидовать. Ему предстоит узнать много интересного от человека, обладающего отменной памятью и захватывающе рассказывающего о времени, формировавшем Мастера, о своих друзьях, событиях крупных и локальных, матчах, турнирах, в которых он участвовал. И сквозь эту призму – о себе, армянском юноше, приехавшем из Сухуми в Москву, покоровшем столицу и страну, вставшем в один ряд с легендами европейского футбола.

Юношам, обучающимся футбольному делу, есть с кого брать пример. Пример честного служения делу, исключительной порядочности, трудолюбия, любви к футболу и к людям футбола, бережного к ним отношения, разносторонности, увлечения театром и музыкой.

Как-то один знакомый Симоняна сказал ему, что он – Никита Павлович – человек старой формации. Симонян, интеллигент до мозга костей, ответил, что хочет в этой формации и остаться. В формации, в которой на первом месте обитают честность, порядочность, простота в общении со всеми, преданность, верность слову и дружбе, высочайшее профессиональное мастерство. В формации, ярким представителем которой и является Никита Павлович Симонян.

Александр Горбунов

Никита Симонян

Посвящается моей супруге Людмиле Григорьевне

Футбол – только игра, был уверен мой отец, причем игра хулиганская. И никто не смог бы его разубедить, потому что в углу стояли мои разбитые – «Опять разбиты?!» – ботинки. Не хотел он понять, что за сила выдувала меня из дому и несла на сухумскую мостовую, камней которой не выдержали бы ни одни ботинки на свете.

Действительно, что за сила? Очень многие пытались разобраться в магии футбольного мяча. И многие книги о футболе, о жизни в футболе начинаются с поиска ответа на вопрос: почему миллионы людей так любят играть в футбол, сотни миллионов – смотреть, болеть?

В чем же таинственная магия футбола? В мужественной спортивной борьбе одиннадцати игроков, объединенных в одно целое? В неожиданных взлетах и спадах команд? В непредсказуемости матчей? В остроумии финтов и неотразимых голах?

«...Мы любим эту увлекательную спортивную игру, полную внутреннего драматизма и яркого зрелищного действия. Мы любим эту игру, требующую одновременно и стремительного мужества, и хитроумного расчета, изощренной личной техники и безоговорочного слияния с коллективом соратников, изобретательной неожиданной выдумки и строжайшей дисциплины, мгновенного порыва и длительной волевой выдержки, сильных мышц и тренированного характера», – писал Лев Кассиль, заразивший футбольным азартом не одно поколение мальчишек. И до войны, и после войны зачитывались они его «Вратарем республики», подражая Антону Кандидову, и сейчас зачитываются. Все по-разному признаются в любви к футболу. И какими лиричными бывают эти признания!

«Красота футбола вот в чем: в ясном голубом небе раннего лета, когда сочно и опьяняюще пахнет свежая зелень, и трава промыта недавним дождем, и скамейки еще не совсем просохли, и мы подстилаем газеты и садимся, и футболисты с белыми, еще не загорелыми ногами, в ярких футболках, первые минуты поскользываются на сырой траве, но потом все налаживается, игра идет ни шатко ни валко, по-весеннему, кто-то забивает случайный гол, и зрители шумят и аплодируют, взлетает вверх голубь, кто-то свистит, и вратарь в кепке с большим козырьком лениво разбегается, бьет по мячу, и гулкий кожаный стук разносится далеко и четко...

«Снова весна», – говорит художник, глядя на обнаженную землю с рыжей и влажной прошлогодней листвой.

«И снова любовь», – говорит девушка, которой надо готовиться к экзамену по теории права.

«И снова футбол», – говорит человек, купивший зонтик в магазине, и радуется неизвестно чему».

Так пишет Юрий Трифонов.

А Ильф и Петров, не изменяя своей ироничной манере, утверждают в «Честном слове болельщика», что «каждый хвалит тот вид спорта, которым увлечен». И тут же рисуют картину всеобщего преображения, начинающегося сразу, как только на большом травяном поле стадиона «Динамо» раздастся «хватаящий за душу томный четырехзвучный судейский свисток», извещающий о начале большого футбольного матча.

Помните? Теннисист, забыв про свои «получемберленовские» манеры, про любимые белые штаны с «неувядаемой» складкой, цепляется за поручни трамвая, становится барсом. Оказывается, под его внешней оболочкой бьется честное футбольное сердце. Поспешают на стадион «ревнители городошной идеи», и «толстяки, манипулировавшие буферными тарел-

ками», поднимают целые трамваи, чтобы поскорее попасть на трибуну... А трибунами овладевал «футбольный дух единства».

Кажется, все сказано о любви к футболу. И в то же время далеко не все. В чувствах у каждого все по-своему. И если б спросили меня... Впрочем, это не интервью, моя книга, и я сам могу задавать себе вопросы. С возрастом делаешь это все чаще и чаще. Что же такое для меня футбол? Могу ответить: прожив девяносто четыре года, многое бы отдал за то, чтоб «томный» судейский свисток звучал для меня не как для тренера, не как для нынешнего функционера, вице-президента Российского футбольного союза, а как для игрока.

Многое бы отдал за гудящие трибуны, за ободряющий крик: «Никита, давай!» За общее ликование всех товарищей по команде: «Победили, победили!» За славу. Не боюсь, не стесняюсь этого сказать: естественно стремление человека к успеху, к признанию. Ходить в середняках – это не мечта для спортсмена.

Сейчас на футбол смотрю уже не теми глазами, что в пору юности, когда начинал. Сейчас понимаю, насколько это высокое искусство и что овладеть им можно с бóльшим совершенством, чем владел когда-то. Нынешнюю бы мудрость да на прежние быстрые ноги!.. Но всему свой черед.

В свое время многие интересовалась, почему я до сих пор не написал книгу. Говорили, что уже тридцатилетние итожат свою жизнь в футболе печатными трудами. «Так разве вам не о чем вспомнить, не о чем рассказать?» А мне все казалось, что о футболе уже достаточно написано. Что нового скажу? Но потом начинал яснее понимать, что опыт каждого человека неповторим и у каждого свой взгляд на одни и те же события, а интерес к футбольным событиям всегда велик.

И книга была написана. Первый раз она вышла в свет в 1989 году тиражом 100 тысяч экземпляров. Потом она дважды (в 1998 и 2018 годах) переиздавалась. Текст во всех трех изданиях – один и тот же. Нынешнее же издание – исправленное (исправления, надо сказать, носили незначительный характер) и дополненное. Дополненное с учетом, прежде всего, многочисленных событий, имевших отношение к футбольной жизни вообще и ко мне в частности.

Эта книга о футболе. И не только о нем. О прожитом, о людях, которые играли и играют в моей судьбе заметную роль, оказали влияние на мое становление, развитие. Книга о тех поступках, о которых я ни тогда, ни после не жалел. И, напротив – о тех, что вспоминаю с неудовольствием и горечью. О везении и невезении. О трудностях и преодолении их. О выборе, который каждый человек вынужден делать постоянно, и о том, чем он руководствуется, выбирая. Жизнь нельзя прожить заново, но нельзя, наверное, и жалеть о прожитом. Пусть читатель делает свои выводы.

Размышляя обо всем этом, тешу себя надеждой, что мой рассказ будет интересен не только тем, кто видел меня на футбольном поле, кто болел за меня как за игрока, а потом и за тренера, но и тем, кто еще не родился в ту пору, когда я уже заканчивал играть.

Начало начал

Когда я стал известным футболистом, играл в команде, не раз побеждавшей в чемпионатах страны, завоевывавшей кубок, мне, случалось, задавали вопрос: «Первый удар по мячу помните?» Разве это вспомнишь, если футбол для всех моих сверстников был естественным, как дыхание. Сколько себя помню, столько играю. Вот где начал, сказать можно. В Сухуми, куда моя семья переехала из Армавира.

Мне тогда исполнилось четыре года. И, наверное, как только меня одного выпустили за ворота, я оказался на перекрестке Могилевской и улицы Кирова, где обычно мальчишки гоняли мяч. Может, сначала я лишь бегал за мячом, улетевшим далеко от пяточка, где разыгрывались баталии, и почитал за счастье один раз пнуть его ногой, а потом незаметно пристроился к играющим.

Мальчишкой я был спокойным, довольно застенчивым (надо сказать, что эта черта, считающаяся возрастной, очень долго мешала мне в жизни), но, быстро поняв главный смысл игры – забить мяч, неистово рвался вперед, к воротам. Может быть, уже тогда родился во мне форвард? Не знаю. Во всяком случае, родился Микита, Микишка. Родители дали мне имя Мкртыч. Но попробуй выкрикни его на поле в азарте игры. Пока произнесешь, спотыкаясь о пять согласных, мяч окажется у противника.

– Почему меня так неудачно назвали? Нельзя было как-нибудь попроще? – спрашивал я отца.

– У тебя красивое имя, – отвечал он. – Мкртыч значит креститель.

Меня это совсем не утешало, да и улица не замерла бы в почтении перед таким переводом. Она окрестила меня по-своему: «Микита», «Микишка! Бей!»

Мы играли на мостовой рядом с домом – благо машин до войны было мало, разве что прогремит изредка какая-нибудь полуторка – на площадке у школы и на пустыре в центре города, где теперь разбит сквер и стоит здание Совета Министров Абхазии.

Наши команды, а они, понятно, перемешивались, перетасовывались, были многонациональными – русские, абхазцы, украинцы, армяне, греки. У моего друга Павла Сичиनावы мама была армянка, а отец – мингрел. Языком общения на улице был русский. Я и дома больше говорил по-русски, огорчая отца.

– Родной язык надо знать, – внушал он мне.

Но так уж устроен человек: смысл внушений, которые слышит с детства, начинает понимать через много лет.

Не раз потом, особенно в ту пору, когда приехал работать в Армению, вспоминал отца, старался наверстывать упущенное, восполнять пробелы. Да, надо знать и родной язык, и историю родного народа – свои корни. Это знание помогает лучше понять и себя, и самых близких людей – родителей, свою семью, родной дом, его уклад. Почему он такой, а не другой.

Семья наша была небольшой по тем, довоенным, временам: отец, Погос Мкртычевич, или Павел Никитич, как звали его многие соседи, мама, Варсеник Акоповна, сестра Нина – она младше меня – и я. Но в доме еще жила бабушка, мать отца, его сестры – тетя Ермония и тетя Мерон, его племянники – мои двоюродные братья Петр, Акоп. И еще непременно гостил кто-нибудь из родни. Отец всегда в ком-то принимал участие. От него часто можно было услышать: «Надо ставить детей на ноги» – это не о своих детях, о детях родственников, близких или дальних. И помогал им всем, чем мог.

На долю отца выпало немало лишений. Родившись в Турции, пережил ужасы геноцида. В 1914 году, когда по наущению турецких властей началось массовое истребление армян, бежал в Россию. Настрадавшись, близко к сердцу принимал чужие беды, проявлял особое внимание к репатриированным: в двадцатые годы началась репатриация армян, разбросанных по разным

странам, в Советский Союз. Наверное, в самой судьбе народа заложена особая крепость родственных уз, которая отличает армян. Об этом я, естественно, размышлял много позже.

По утрам нередко просыпался от постукивания молотка – это отец уже сидел за работой. Он был сапожником, вернее, чувячником. Шил чувяки, дешевую и ходовую в те времена обувь. Этим верным ремеслом кормил семью. И меня был не прочь к нему приучить. Но, видя, что я никакого интереса не проявляю к его инструментам, заготовкам, моткам дратвы, не насиловал, не неволил. Я был одет, обут – плюшевые штаны, ботинки – и нередко имел гривенник на кино. Если афиши извещали о фильме «Вратарь», то попасть на него надо было непременно.

Сколько раз мы его смотрели? Да, наверное, столько, сколько шел. Крутили кино в летних кинотеатрах без крыш. Иногда на нас низвергались потоки дождя, но мы не обращали на дождь внимания, больше всего боялись, что сейчас кино остановят и мы не успеем увидеть, как Кандидов возьмет страшный пенальти. Мы не только смотрели «Вратаря», мы еще и пересказывали картину друг другу во всех подробностях. Как Кандидов выбросил мяч вперед, как помчался за ним... Как наши дали этим «Черным буйволам»!..

Потом, став взрослым, мастером, увидел, сколь наивен этот фильм. Мало что умеют актеры, исполняющие роли футболистов. Да и позже появлялись фильмы о футболе, где в ролях футболистов выступали актеры. Я всегда удивлялся, почему не пригласить настоящего футболиста? Хуже сыграл бы? Не знаю. Но фильм получился бы правдивее. А то выходит на поле человек с жирком и не может ударить по мячу, а трибуны при этом ему рукоплещут. Вот когда в художественные фильмы начали вставлять куски документальных лент, фрагменты настоящих матчей, впечатление стало несколько иным, уже легче верилось, что герои имеют отношение к футболу.

Но картина «Вратарь» по-прежнему дорога мне. Она из удивительного времени, она про утро нашего спорта. И с Кандидовым связаны лучшие дни детства. Мы верили, что в самом деле есть такой вратарь Антон Кандидов, который пропустил всего один мяч в жизни. А рядом рос свой «Кандидов» – Володя Маргания, который со временем будет защищать ворота тбилисского «Динамо».

Нередко собирались во дворе у Павла Сичинавы, моего близкого друга детства. Уже в мальчишескую пору он был на редкость справедливым, надежным человеком, и многие к нему тянулись. Мы играли в волейбол, пытались освоить баскетбол. В баскетбол здорово играл Шурка Седов. Его даже приглашали потом в тбилисское «Динамо» и другие команды мастеров, а он так и остался в родном Сухуми.

Но больше всего мы все-таки любили гонять мяч. Отрабатывали обводку, удары. Гвалт, крик стояли непереносимые. Сегодня вряд ли кто из взрослых выдержал бы такое. Постарались бы нарушителей спокойствия урезонить. А родители и соседи Павла терпели. Иногда, правда, закрывали окна. Мы росли свободнее, чем нынешние ребята. Взрослые меньше нас опекали, меньше программировали нашу жизнь.

Так само собой получилось, что именно мы с Павлом были организаторами матчей: улица на улицу, район на район. Но город стал нам тесен, и мы вырвались на «международный» уровень. Кто-то доложил, что в Гульрипши, местечке километрах в двенадцати от Сухуми, есть потрясающая площадка, почти как настоящее футбольное поле, и мы – Шурка Седов, Альберт Вартанов, Миша Датебов, Павел и я – устремились туда. Электрички в ту пору по Черноморскому побережью не ходили, поезда были редки, и мы назубок выучили их расписание. Уговаривали какого-нибудь проводника подвезти нас, набивались в тамбур. Ездили и на товарняках.

Соперников не надо было специально оповещать о нашем прибытии – их всегда можно было найти на поле, в крайнем случае на пляже. Играли мы без судей, но строго придерживались мальчишеского кодекса чести – сзади не бить.

И еще: на поле все должно забываться во имя команды. Никто из нас не тянул одеяло на себя. На похвалы были скупы, славой не считались – победа общая. Помнится, я больше

всего не любил задиристых, зазнаек. И по сей день не терплю пренебрежительного отношения к людям, высокомерного тона.

Часов, естественно, ни у кого не было, да и не хотели мы ограничивать себя во времени – играли до полного изнеможения. Когда ноги уже не держали, вспоминали о доме и о предстоящем двенадцатикилометровом пути. Возвращались всегда пешком, нередко уже при луне. Давал знать о себе голод – гоняя мяч, не думали о еде, – и мы заворачивали в чьи-то сады, набивали за пазухи груши, персики. Вряд ли это можно назвать воровством – мы не наносили особого ущерба хозяевам.

Дома меня ждал нагоняй. Отец был человеком строгим до суровости. Ни в чем не терпел беспорядка. Требовал, чтобы мы с сестрой вовремя приходили обедать, вовремя возвращались домой. А тут уже ночь на дворе, и ботинки мои опять разбиты.

– Я не напасусь на тебя обуви! – кричал он, возмущенный. – Бросишь ты, наконец, эту хулиганскую игру или нет?

Много лет спустя, когда я жил уже в Москве, играл за «Спартак», папа приехал в гости. Купил я ему билет на матч: «Посмотри хоть раз в жизни, как я играю». Сели на трамвай, поехали на «Динамо». Я проводил его на трибуну и побежал в раздевалку.

Был матч со сборной Чехословакии, и сложился он для «Спартака» очень удачно. Мы выиграли со счетом 2:0, и оба мяча удалось забить мне.

Отцу, видимо, льстили разговоры вокруг о «Спартаке» и крик болельщиков: «Молодец, Никита!», потому что он вернулся в прекрасном расположении духа.

– А помнишь, как ты меня ругал за хулиганскую игру? – подтрунивал я.

– Да не было такого, – скажет он, сам, вероятно, веря своим словам. – За другое тебе попадало, ты забыл...

Правда, его убеждение насчет никчемности дела, которому я себя посвятил, поколебалось несколько раньше.

Шел он как-то по улице мимо компании отдыхающих, которые яростно спорили о футболе. Среди них был полковник, болельщик «Спартака», и кто-то из местных сказал ему: «Вот идет Симонян-старший, отец Никиты». Тот сначала не поверил: «Не может быть! – А потом закричал: – Качать его, качать!»

Отца схватили и начали подбрасывать вверх...

Мама потом рассказывала, что домой он пришел несколько обескураженный, но довольный:

– Сына моего, оказывается, уважают в Москве, – говорил ей. – Вот и мне такое внимание...

Все это как хороший конец для кино, но будет он еще не скоро, а пока после отцовских оплеух душили слезы.

Я сердился тогда на отца. Мудрость, к сожалению, приходит с годами. Лишь повзрослев, я понял, что отцу и так непросто было содержать семью, а тут еще сын приносит в дом больше проблем, чем пользы. И все же я не отступился.

– Не обижайся на него, сынок, – успокаивала меня мама. – Он же на самом деле добрый. Ко всем людям добрый. А сейчас погорячился. Но ты тоже должен его понять: он так много работает, чтобы нам всем жилось хорошо...

Мама, человек мягкий, очень не любила ссор в доме и всегда переживала, если близкие люди не могли понять друг друга.

Нельзя сказать, что у нас была своя жизнь, у взрослых – своя. Началась война, и нам стали очень близки все их тревоги, заботы. Наш курортный город вмиг изменился – белые бумажные кресты на окнах, очереди в магазинах, где говорили о том, кого сегодня проводили на фронт и кого уже не надо ждать. Вместе со взрослыми мы слушали сводки Совинформбюро,

а они становились все тревожней. Фронт приближался, бои шли на перевалах. Прибывало все больше беженцев, эвакуированных, и их, потеснившись, приняли во многих домах.

Мы бегали смотреть, как на горе Чернявской – это рядом с нашим домом – устанавливают зенитки. Их поставили и около маяка. Порт не зажигал больше огней по вечерам, казался ослепшим. Отец, как и многие соседи, вырыл в саду бомбоубежище – траншею с плоской крышей. Если с неба доносился самолетный гул, все с тревогой поднимали вверх головы.

В один из первых налетов бомба упала за квартал от нашего дома, разрушила здание обкома партии. Когда самолеты улетели, я вместе с другими бросился туда и увидел убитую женщину. Это меня так потрясло: вот она, война!

В порт пришел израненный танкер – его торпедировала немецкая подводная лодка. Две торпеды, две шестиметровых сигары, выскочили на берег. Одна из них сутки лежала на пляже, пока ее не обезвредили саперы. Мы, конечно, бегали смотреть – мальчишеское любопытство всегда берет верх над страхом и осторожностью. И во время налетов, сунув маленькую племянницу, за которой приглядывал, в бомбоубежище, я уносился на улицу...

Таило в себе опасность и наше теплое ласковое море. Однажды, сидя на пляже, мы увидели, как взлетело на воздух маленькое транспортное суденышко: его подстерегла вражеская подводная лодка. Вместе со взрослыми мы теперь настороженно вслушивались в небо – кто летит? Наши или фашисты? Гул немецких бомбардировщиков стал предвестником несчастий, трагедий.

Бомбы угодили в большой транспортный корабль, прибывший из Новороссийска. Он увез от войны и боев женщин, детей, стариков и, остановившись на рейде, ждал, когда примут, разместят пассажиров. В городе готовили жилье для новороссийских беженцев, и вдруг... Три бомбы попали в судно, и оно сразу же пошло ко дну. Над водой остались только торчащие трубы, как памятник погибшим. Весь город очень тяжело это переживал.

После одной из бомбежек не вернулся с работы домой отец – он тогда работал кассиром на Черноморской железной дороге. Во время налета был в центре города и вместе с другими бросился в сквер – людям, видимо, казалось, что под деревьями можно укрыться, что они защитят от беды. Бомба разорвалась прямо в сквере, многих зацепило, тяжело ранило и отца. Его увезли в больницу. Больше полугода он не вставал с постели, а как только смог подниматься, сразу же занялся своим чувячным ремеслом – надо кормить семью, родню, зарабатывать на мамалыгу, на кукурузный хлеб, который по немыслимой цене продавался на базаре.

Гитлеровцев остановили, все немного вздохнули. Но война не отступила, она была в каждом доме – пришли похоронки на моего двоюродного брата Акопа, на братьев Дерлецких, которые жили у нас во дворе...

Мы понимали, какое это горе, но детство есть детство. И война не могла отнять у мальчишек тяги к играм, к своим компаниям, к общению. Это естественная потребность человека в развитии, он с ней рождается.

Не случайно каждый из нас переживает в детстве и отрочестве множество увлечений, пробует себя, где только можно.

Я увлекся в ту пору музыкой, записался в духовой оркестр. Записался, впрочем, неточное слово, просто пришел на занятия, которые вел Карл... А вот отчество забыл. Может, и не знал никогда: мы не звали учителя пения, маленького, седого, бесконечно доброго человека, по имени и отчеству, как остальных учителей. Дядя Карл, чаще – дядя Карлуша, между собой еще проще – Карлуша. Сейчас понимаю, что жилось ему в ту военную пору, наверное, труднее многих. Не каждому ведь объяснишь, что немец немцу рознь, что фашизм – не все немцы. Неизменная папироска во рту, желтые прокуренные пальцы поднятой вверх руки, увлажненные глаза: он всегда бывал растроган, когда у нас все получалось так, как надо, и из труб лилась музыка. Карлуша дал мне медный альт, объяснил, как извлекать нужные звуки, показал, как дуть, и я дул: тум-па-па, тум-па-па...

Ходил в кружок, играл на трубе. Получалось неплохо.

Через несколько занятий он сказал мне:

– У тебя хороший слух, будешь второй трубой.

Недолго побыв в этой роли, я стал первой трубой. Головокружительная карьера!

Наш оркестр шагал всегда во главе школьной колонны на демонстрациях, и мы поднимали всем настроение бравурными маршами. Был у нас репертуар и для школьных вечеров: «Амурские волны», «Брызги шампанского», фокстроты.

А еще мы играли совсем по другим, печальным поводам – на похоронах. Не отказывали, когда просили, и играли бесплатно. Правда, за это нас кормили на поминках. Дядя Карлуша, скорее всего, знал о нашем «отхожем промысле» и не мешал ему. Может, считал, что детей вовсе не надо ограждать от чужих несчастий, пусть учатся принимать и понимать жизнь во всем ее многообразии. А может, просто не хотел лишать растущих мальчишек возможности подкормиться.

До сих пор люблю классику. Не воспринимаю громкую музыку – мелодия должна ласкать слух. Петь не пою. Не знаю даже, есть ли у меня голос. Ни разу не пробовал. С детства был застенчив. Так и осталась эта черта на всю жизнь. Мешает это. Надо, скажем, пойти к высокому руководству, стукнуть кулаком по столу, что-то не попросить даже – потребовать (не для себя, разумеется), а не могу. Порой сам на себя за это злюсь. Но природу не обманешь.

Музыка отнюдь не перебила увлечения футболом. Мы по-прежнему гоняли мяч на площадке у нашей седьмой школы и на пустыре в центре города.

Однажды на пустыре появился Шота Ломинадзе. Стоит, смотрит внимательно на нашу игру. Шоту мы знали: он был игроком местной команды «Динамо», полузащитником. Маленького роста, рыжеватый, шустрый, быстрый, неугомонный. На общественных началах ему поручили собрать ребят в спортшколу, создать команду. И Шота присматривался к нам. Мы еще не знали, что это наш будущий, наш первый тренер.

Спортшколы в нынешнем понимании не было. Просто мы собирались на стадионе «Динамо», где нас ждал Шота, на тренировку. Но все мы были уже в динамовской форме. Сразу же после знакомства тренер отвел нас на склад, в маленькое темное помещение, где нам выдали синие трусы, желтые майки, гетры и бутсы размера на три больше, чем надо, – других не имелось.

Вручая каждому все это богатство, кладовщик говорил: «Шипы на бутсы набьешь сам».

Конечно, сам. Не будешь же отрывать от дела отца ради такой «безделицы», как футбол. Он расстроится, вспылит, закричит, что пора мне, наконец, заняться делом, а мама будет горевать после домашнего скандала... Я сам вырезал из кожи толстые пластинки и приколачивал их к подметкам.

До сих пор футбол был для нас только упоительной игрой. Теперь мы начинали постигать его с другой стороны – дисциплина, тренировки, самоотдача.

Шота, несмотря на свою стремительность, «моторность» на поле, был человеком спокойным, мягким. Никогда мы не слышали от него ни окриков, ни оскорблений. Он быстро разглядел среди нас и защитников, и нападающих, и вратаря. Старался научить нас всему, что умел сам.

Но самой большой школой в то время были для нас игры взрослых команд. В команде «Динамо», где играл наш тренер, были замечательные мастера, у которых немало можно было перенять.

Я смотрел во все глаза на Автандила Гогоберидзе, и мне очень хотелось повторить, перенять все его приемы – уходы, финты, обводку, дриблинг. А еще играли здесь Антадзе, братья Вардимиади, Саная – вратарь, то есть целая плеяда видных футболистов, проявивших себя потом в команде мастеров тбилисского «Динамо».

И футболист Юра Елчиди мог бы, думаю, украсить любую команду высшей лиги. Но судьба распорядилась по-иному. Жил он по-прежнему в родном городе, занимался тренерской работой. Когда мы встретились, Юра рассказывал про одного своего воспитанника. «Понимаешь, – говорит, – он такой парень, что у него нет никаких недостатков. Совсем нет, как у меня не было. Скажи, разве были у меня в молодости недостатки?» Может быть, он шутил, но я ответил серьезно: «Действительно не было», – и не кривил душой, мне так казалось, когда видел Юру на поле.

...Шота не стеснял нас обязательной программой, обязательными упражнениями. Не подавлял индивидуальности, каждому давал возможность проявиться. Нас не нужно было заставлять что-то делать. Не было случая, чтобы после тренировки мы всей командой дружно ушли в раздевалку. Нет, мы еще долго показывали друг другу, что умеем, осваивали новые приемы. Шота вынужден был просто-напросто разгонять нас по домам.

Я был рад, что тренер увидел во мне нападающего, и часами отработывал удары по воротам. Бил, бил... Ноги уже гудят, а я опять к мячу. И дома, не переставая, лупил по калитке, по обеим сторонам которой, как штанги, стояли кипарисы.

Во время матчей – мы начали встречаться с другими юношескими командами Абхазии – все мои помыслы были сосредоточены на том, чтобы забить гол. Помню, в одной товарищеской встрече мы выиграли со счетом 11:4, и девять голов забил я.

На наши занятия часто приходил ответственный секретарь городского общества «Динамо» Михаил Григорьевич Туркия, сам в прошлом вратарь. Смотрел, видно, что за смена растет, а нам такое внимание льстило.

Мальчишеский футбол не существовал отдельно от стадиона, от футбола взрослого. Взрослые футболисты нас знали: примелькались, не пропускали ни одного матча, встречали их у стадиона, провожали после игры. Многих мы звали просто по имени, как и нашего Шоту, но держались с ними очень почтительно, чувствовали, что дистанция между нашей игрой и игрой этих мастеров огромная.

Еще шла война. Но ни культурная, ни спортивная жизнь не замирала. Люди тянулись к прекрасному. Мы знали, что ленинградцы слушали первое исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. Знали и о футбольном матче в блокадные дни... Когда провалилась очередная попытка фашистов взять город и они заявили, что не вошли в него только потому, что он мертв и все улицы завалены трупами, ленинградские спортсмены предложили командованию организовать в городе футбольный матч. И он состоялся – между ленинградским «Динамо» и командой гарнизона. Как ни измучен был Ленинград непрерывными артобстрелами, голодом, на стадионе собралось немало народа. Репортаж с этого матча шел и на немецком языке, и громкоговорители полевых установок на оборонительных рубежах далеко окрест разносили голос радиокomentатора, гул трибун. На гитлеровских солдат это произвело ошеломляющее впечатление: перед ними был не город мертвецов, как им внушали, – твердыня... Так разве футбол – только игра?

В 1944 году, когда мы уже привыкли к победным салютам, когда была освобождена значительная часть территории, захваченной гитлеровцами, к нам на Черноморское побережье стали приезжать на подготовку прославленные команды – московское «Динамо», ЦДКА, «Динамо»-II, сборные профсоюзов. Наконец, ленинградские динамовцы. Проводились товарищеские игры, которые вызывали огромный интерес: кто не мечтал увидеть воочию таких звезд нашего футбола, как Григорий Федотов, Владимир Демин, Алексей Гринин!..

Это прославленные армейцы, но не менее знамениты были и московские динамовцы – Константин Бесков, Василий Карцев, Леонид и Сергей Соловьевы...

Когда они играли в Сухуми, то для нас, мальчишек, был настоящий праздник. Нам обычно разрешали располагаться за воротами, и мы с жадностью смотрели на чудо, происходящее на поле. Да-да, мы считали это чудом, я не преувеличиваю. Все, что делали мастера, нам

казалось недостижимым и чуть ли не сверхъестественным. Меня, конечно, больше всего захватывали сражения защитников и форвардов, особенно жадно следил за действиями последних. Потому что чувствовал, и Шота утвердил меня во мнении: самая подходящая для меня роль на футбольном поле – роль нападающего. Я смотрю во все глаза и пытаюсь понять, каким образом удастся нападающим вскрыть ворота соперника. Хитроумный финт, дриблинг, обводка, игра в стенку, наконец, хлесткий точный удар... Отмечал приемы, удары, но в целом сложнейшая грамота пока не постигалась. Я заметил, что многие выгодные моменты для взятия ворот создаются умелым маневрированием форвардов без мяча. Увидеть уязвимое место на половине поля соперника, ринуться в эту точку и предложить тут себя товарищу по команде, который владеет мячом. Это легко заметить, а сделать самому... Я понимал уже, что в игре нужны не только быстрые ноги и ловкость, но и хорошая голова, спортивная хитрость.

Все, что приводило меня в восторг, я потом не раз перебирал в памяти и ночью долго не мог уснуть, все вспоминал и вспоминал, мысленно готовясь изобразить завтра то, что видел. Интересно, удастся ли? А воображение – оно почему-то всегда разыгрывается перед сном – уже несло меня дальше, и я видел себя рядом с Федотовым, Бобровым на одном поле. Взлетев таким образом, одергивал себя: ну куда мне до них! Не дорос! И дорасту ли?... Отрезвленный, засыпал, а назавтра на тренировке все-таки пытался повторить то, что делали «академики».

Наша юношеская команда успешно выступала в чемпионате Абхазии. У нас были свои звезды – Володя Маргания, Геннадий Бондаренко, братья Фанас и Юрий Граматикопуло. Когда мы стали чемпионами Абхазии среди юношей, на базе нашей команды была сформирована сборная, которая начала готовиться к участию в первенстве Грузии. Наши ряды пополнили Ниязи Дзяпшипа, Юрий Вардимиади, Владимир Тарба... Знакомые многим имена, а тогда все мы были просто мальчишками, которые любили играть в футбол.

К соревнованиям начали готовиться основательно и серьезно. Первенство республики стало не только для нас значительным событием. Болельщики тоже ждали интересных футбольных матчей. Футбол в Грузии, можно сказать, национальная игра.

Финальный турнир проводился в Тбилиси. Естественно, местные болельщики (а команда столицы республики «Трудовые резервы» тоже участвовала в турнире) надеялись, что земляки не подведут и одержат победу. До поры до времени все шло как по накатанной: тбилисцы легко попали в финал. Стала финалистом и сборная Абхазии, обыграв со счетом 6:1 команду города Махарадзе. Удивительно, сколько лет прошло, а память держит все матчи тех лет, все забитые голы: значит, важны были эти события и велики волнения.

Итак, встречаемся с тбилисцами. Мы хорошо понимали, что они дадут нам бой, однако надежды не теряли. Столичные футболисты в предварительных играх показали, что они техничны, умело обращаются с мячом, но нередко их нападающие играли не столько разумно, сколько красиво, чтобы сорвать аплодисменты трибун. Такая красивость часто замедляла развитие атаки и кончалась ничем. Защитникам еще опаснее играть на публику... Но пока тбилисцы ни от кого не получали должного урока.

– Играть быстро, плотно держать нападающих, не позволять им свободно принимать мяч, – напутствовал нас тренер. – Пусть они окажутся в непривычных игровых условиях, а когда начнут ошибаться...

Соперники, конечно, не ожидали от нас такого организованного натиска и, когда Геннадий Бондаренко забил мяч, оказавшийся, кстати, единственным в этом матче, начали нервничать.

Против меня играл невысокий плотный парень, не отходил ни на шаг. Действовал очень жестко, хотя без грубости. Вид у него был агрессивный, и однажды он зло бросил: «После игры я с тобой еще встречусь». – «Встретимся», – ответил я.

Потом узнал, что мой опекун – Володя Элошвили. Позже он успешно выступал за тбилиское «Динамо». Встречаясь с ним не раз, мы с улыбкой вспоминали тот финальный матч.

– Меня тогда предупредили, – рассказывал Володя, – не уследишь за Никитой – забьет гол. Вот я и решил тебя малость припугнуть. Не получилось...

– Но гола я все-таки не забил.

– Не забил, но и не испугался.

В Сухуми мы вернулись чемпионами Грузии. Нас теперь знали, нами гордились. Правда, дома мои победы никого не привели в восторг, им попросту не придали никакого значения. Одно хорошо: отец перестал сердиться из-за ботинок – теперь мне выдавали бутсы.

Как-то летом приехала в Сухуми московская команда «Динамо»-II (на базе этого клуба позже создали команду мастеров минского «Динамо»), и, как принято было, договорились о товарищеской встрече с местными одноклубниками.

Наша юношеская команда в полном составе явилась болеть. Стадион полон, забита единственная трибуна, заняты все лавочки на противоположной стороне поля, многие сидят на траве, а некоторые – прямо на беговых дорожках. Мы волновались за своих, и в первой половине игры они не уступали именитым гостям ни в мастерстве, ни в желании победить. Однако в самом конце тайма получил травму нападающий Дихаминджия – Диха, как звали его все болельщики. Кого поставят вместо него? Мы хорошо знали состав и равноценной замены быстро Дихе не видели. Встреча, правда, товарищеская, никакой беды не произойдет, если наши проиграют, но гордость... Весь Сухуми гордился, если местные футболисты почти на равных соперничали с москвичами, столько бывало разговоров!

В перерыве у кромки поля появился Туркия и стал кого-то высматривать среди болельщиков. Увидев нас, помахал рукой. Мы подошли.

– Ты-то мне и нужен, – кивнул он мне. – Бегом в раздевалку!

– Зачем?

– Не задавай глупых вопросов. Заменишь Диху.

Не успев осознать, что мне предстоит, я спустился под трибуну. Выхожу на поле – коленки трясутся. Ничего не вижу, все как в тумане, а я – центральный нападающий. Кошмарный сон!

Раздался свисток судьи, начался второй тайм, и сразу же возник из «тумана» центральный защитник москвичей, на голову выше меня, крепко сбитый. Бросил снисходительный взгляд из-под лохматых бровей: «С этим пацаном как-нибудь справлюсь». Я задел его случайно и услышал сердитое:

– Ну ты, пацан, поосторожней!

«Паренек ты был шустрый, но сырой», – смеялся много лет спустя Аркадий Иванович Чернышев, один из основателей советского хоккея с шайбой, когда мы вспоминали с ним тот сухумский вечер и знакомство на поле. Это он выступал в роли центрального защитника.

Как я тогда сыграл – не помню. После матча обступили наши мальчишки: «Ну, что? Испугался? А выглядел ничего. Уверенный такой!»

– Молодец, – сказал мне Туркия. – Теперь и за взрослую команду будешь играть.

В конце 1945 года приехали в Сухуми футболисты московской команды мастеров «Крылья Советов». Вместе с ними были и юноши, завоевавшие в тот год звание чемпионов Москвы. Отдых у них получился, конечно, относительный. Оказавшись в городе, где зимой тепло и зелено, кто из футболистов позволит себе беспечно прохлаждаться на берегу моря, забыв о мяче? И москвичи сразу же включились в активные тренировки.

Но тренировки тренировками, а хотелось лишний раз с кем-нибудь сразиться. И тренеры «Крыльев» договорились с руководителями сухумского «Динамо» о трех товарищеских встречах. Две между юношескими командами и одна – между мужскими. Юные москвичи рвались в бой (как-никак чемпионы столицы), и в их составе было немало способных футболистов: Сергей Коршунов, Виктор Федоров, Владимир Сучков, Сергей Митин... Но и в нашей команде ребята подобралась достойные.

Как ни странно, мы оказались сильнее. Встречи закончились со счетом 3:1 и 1:0 в нашу пользу. Все четыре мяча в ворота москвичей удалось забить мне.

Я уже говорил, мне тогда приходилось выступать и за юношей, и за взрослых, поэтому вышел и на матч мужских команд. Сыграли вничью – 1:1. И тот единственный гол в ворота соперников тоже забил я. Так вот получилось... Парень я был не заносчивый, но в душе гордился удачей. А москвичей просто удивил. Не часто случается, чтобы какой-то юнец решил судьбу не одного, а сразу трех матчей, пусть товарищеских. Не ради саморекламы говорю об успехе. Именно эти голы и проложили мне дорогу в большой футбол.

В один из дней ко мне подошел футболист из «Крылышек» и сказал, что тренеры команды просили меня зайти к ним в гостиницу «Абхазия». Зачем? Я и не задумывался над этим. Приглашают – значит, нужен. Отыскал в гостинице названный номер... Вошел. У окна стоял Владимир Иванович Горохов, один из тренеров.

– А, Никита! Заходи! Знаешь, зачем тебя позвали? – Владимир Иванович пристально смотрел на меня, пряча в уголках губ улыбку. – Не знаешь? Поехали к нам, в Москву. Будешь играть за нашу команду.

Всего ожидал, но только не такого. Меня – в Москву, в команду, выступающую в первенстве страны? Может, Горохов шутит?

– Нет, нет, не шучу я, – словно угадал мои мысли тренер. – Я из тебя второго Боброва сделаю!

Я молчал. Я опешил. Из меня – «второго Боброва»? Того самого Боброва, который месяц назад блистательно выступал на стадионах Англии в составе московского «Динамо», который в последнем чемпионате страны забил двадцать четыре мяча?

Посмотрел на Владимира Ивановича – он улыбался, и я улыбнулся, пожал плечами, не зная, что ответить.

– Не тушуйся, я тебе серьезно говорю, поехали в Москву. Ну а насчет Боброва – там видно будет. Многое зависит от тебя самого.

«А он и впрямь не шутит, – подумал я. – Он и в самом деле предлагает мне перейти в „Крылья Советов“. Вот что касается Боброва, то тут он явно перегнул. Мне до Боброва как до луны».

Подумал, но опять ничего не ответил.

– Что молчишь?

– А что отвечать? Без родителей ничего не решишь.

– Это наши заботы. Поговорим с родителями, убедим.

– Не так-то легко...

Разговор с родителями состоялся. Вместе с Гороховым пришел к нам домой и старший тренер «Крылышек» Абрам Христофорович Дангулов – доброжелательный, внимательный, интеллигентнейший человек. Мой отец неплохо разбирался в людях, и, похоже, Абрам Христофорович и Владимир Иванович произвели на него хорошее впечатление. Но он всегда, прежде чем принять решение, все основательно взвешивал и, когда тренеры высказали свое предложение, задумался. С одной стороны, вроде бы приятно, что сына приглашают в столицу, а с другой...

– Только гонять мяч? Не-ет, – отец нахмурился. – Ему учиться надо, профессию получить. А ваш футбол никуда не денется. Не отпущу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.